

Обухова Н. А.

24/III 89

...Народную музыкальную драму М. П. Мусоргского «Хованщина» я видела впервые на сцене Большого театра в 1912 году. У меня осталось очень неясное воспоминание об этом спектакле, только ярко запомнился образ Досифея в исполнении Ф. И. Шаляпина.

Он произвел на меня незабываемое впечатление. Досифей у Шаляпина был то всепрощающий старец, отечески нежный к Марфе, то ожесточенный ревнитель старины, озлобленный преследованиями Петра, то иступленный раскольник-старообрядец, фанатически преданный своей вере, приведшей его и всех его последователей к самосожжению. Досифей — Шаляпин был правдивый, точный исторический образ. Досифей—Шаляпин весь целиком отдает себя фанатическому служению идее добра и справедливости, как он ее понимает.

Внутренне Досифей—Шаляпин

полон могучей силы, его кипучая душа проникнута бурными религиозными стремлениями, а внешне он истово спокоен, величествен, значителен...

Как сейчас я вижу его длинную, узкую седую бороду, его сдвинутые брови, морщины-складки на лбу, вижу его поднятые кверху горящие, большие глаза, вижу его большие худые руки: одна опирается на посох, а другая поднята ко лбу с судорожно сжатыми пальцами в крестном знамении. Вижу и его длинную черную мантию, окутывающую всю фигуру.

В консерватории я не проходила с Мазетти партии Марфы; я только слышала отрывки из этой партии на ученических вечерах, экзаменах и позднее в концерт-

ном исполнении. Чаще всего приходилось слышать сцену гадания. Но тогда эта сцена меня не трогала, не волновала. Наоборот, две первые фразы: «Силы потайные, силы великие!» — казались мне какими-то крикливыми, громкими, грубыми, а вторая певучая часть — напряженной.

Но со временем после Любашы в «Царской невесте» моей самой любимой партией стала партия Марфы...

Когда я приступила к работе над партией Марфы, я стала впитывать в себя изумительные, проникновенные, глубокие, могучие звуки музыки Мусоргского и рисовать в своем воображении картины русской природы и народного быта. Когда я впеваюсь в песню «Исходила младешенька все луга и

болота», я видела перед собой этот луг, усеянный яркими пахучими цветами, я вдыхала запахи душистого сена, видела перед собой эти болота и ощущала под ногами колючую осоку. Я старалась в звуках этой песни передать голосом безнадежную тоску по утраченной любви, страшную скорбь обманутой женщины.

Впоследствии наш замечательный художник Нестеров подарил мне свою чудесную акварель, где он нарисовал меня в образе Марфы, идущей по лугу с опущенной головой в темно-синем сарафане, с белым платком на голове, с платочком в руке, тоскующей по своему милому. Я была глубоко взволнована этой акварелью, потому что Нестеров воплотил в ней то, что я рисовала в своем воображении.

Н. Оухова в роли Марфы («Хованщина»).

Из записных книжек Н. А. Обуховой

Сов. артист. - 1989 - 24 марта